

Галина и Павел Барышниковы

В ТЕНИ ЛЕТЯЩЕЙ ПТИЦЫ

Галина Барышникова

В тени летящей птицы

«Алтейя»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Барышникова Г. А.

В тени летящей птицы / Г. А. Барышникова — «Алетейя», 2022

ISBN 978-5-00165-553-4

Роман посвящен памяти детей блокадного Ленинграда, эвакуированных во время Второй мировой войны. География его широка: блокадный Ленинград, Туркмения, послевоенная Москва. Судьба рукописи необычна: в ее написании принимали участие блокадники Москвы, Подмосковья и Ленинграда. Для иллюстраций авторам передали копии рисунков ленинградских детей 1941-42 гг., а немецкий художник Мартин Шилдкамп сделал картины-заставки для каждой его части. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-553-4

© Барышникова Г. А., 2022
© Алетейя, 2022

Содержание

От авторов	6
Вместо предисловия	7
В тени летящей птицы	8
Часть 1	8
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Павел Федорович Барышников,
Галина Александровна Барышникова
В тени летящей птицы**

© П. Ф. Барышников, 2022

© Г. А. Барышникова, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

*ПОСВЯЩАЕТСЯ детям блокадного Ленинграда
и дружбе братских народов*

От авторов

Этот роман ворвался в нашу жизнь как стихия, порушив уже устойчивую конструкцию трилогии «Связь времен». Первая книга: «Свет твоей тени», вторая – «Мост для императора», третья – «Ангелов не выбирают». И вдруг между второй и третьей за полгода написалась наша «Птица»... Роман о блокаде обрушился на нас и вихрем закружил в сквозняке истории. Это как пуля навывлет. Мы вместе с нашим героем пережили голод и холод, вместе ехали под бомбежкой в эвакуацию, вместе воскресали в весенней Туркмении... и дальше, и дальше, и дальше... Никогда ни с одной книгой мы столько не плакали и не смеялись, не радовались и не горевали, как с этой. Мы писали ее круглоденно: Галя ночами, Павел с утра. Мы берегли тепло страницы, чтобы она не остывала. С ладоней в ладонь передавали горячий, только рожденный текст. И за полгода роман написался. Дальше его подхватили художники: Светлана Мурзина из Нижнего Новгорода нарисовала 45 чудесных рисунков. Потом за роман взялись немецкий художник Мартин Шилдкамп и его очаровательная русская жена – Катюша, которые не так давно переехали в Россию на пмж. Катя прочла роман, тоже поплакала и помогла Мартину нарисовать картины-заставки для 10 глав и эпилога. Но этим не ограничилось: председатель московской областной общественной организации «Блокадники Ленинграда» Галина Васильевна Клюкина передала нам 21 рисунок блокадных детей 1942 года, выполненный цветным карандашом! Это стало главным поворотом в концепции романа-сказки: мы вместе со школой-студией Егора Матиты объявили международный конкурс детского рисунка. В конкурсе приняли участие ребята из Белоруссии, Украины, Казахстана и России. Семь лучших рисунков вошли в книгу. Наша подруга, педагог Наталья Азарова, услышав о конкурсе, провела со своими детьми уроки, и по теме нашей книги прислала 11 великолепных рисунков! И когда все это было собрано, встал неожиданный вопрос: как все это издать? Ведь в связи с экономическими проблемами и санкциями издать книгу с цветными вкладками неподъемно дорого! И тут снова случилось чудо. Роман, посвященный детям блокады Ленинграда и братской дружбе народов, собрал команду единомышленников и благоустроителей разных национальностей: русская художница Светлана Мурзина и немец Мартин Шилдкамп рисовали, туркмены Мухаммед Кулиев и Нургелди Сейидов были верными проводниками в незнакомый нам мир прекрасной и закрытой Туркмении. А цветные детские рисунки украсили книгу благодаря финансовой помощи подворья Спасо-Андронникова монастыря, татарина имама-муктасиба Рамиля Фасхудинова, гречанки Веры Болдычевой-Казакиди и других наших друзей, которые пожелали остаться неназванными. И вот книга перед вами, дорогие читатели. Летите вместе с нашей Птицей и возвращайтесь домой. Потому что дом – это самое лучшее место на земле...

Вместо предисловия

Мост любви и дружбы

Для туркмен память о Войне священна. Она не ушла в прошлое, не «устарела» по прошествии восьми десятилетий. В Петербурге, да и по всему бывшему СССР, еще живут дети блокады, вскормленные и пригретые в далекой советской Туркмении. Не для славы и не по приказу простые туркмены принимали эвакуированных детей, спасали их от смерти, давали им гораздо больше, чем просто еду и кров. Они давали им полнокровную надежду, что жизнь не прервется, что впереди победа, что в тылу такие же самоотверженные люди приближают ее каждый день. Что эти дети станут взрослыми и проживут свою жизнь под мирным небом.

Эта книга о том самом единстве, которое нельзя насадить искусственно, как некий конструкт в рамках политической повестки. О нем можно вспомнить, его можно ощутить кожей. Через портреты живых людей, через реальность, которая оставила жестокий след на целых поколениях и нациях. В Санкт-Петербурге мы не только участвуем, но и иницилируем памятные мероприятия, призванные сделать Войну и Победу чем-то живым для детей XXI века. На Пискаревском мемориальном кладбище покоятся почти три тысячи героев-туркменистанцев, погибших на рубежах Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов в годы Великой Отечественной войны. В честь их подвига мы установили памятную плиту. В Музее блокады Ленинграда теперь хранится картина туркменского художника Мамеда Мамедова, которую передала музею его жена Галина, бывшая блокадница...

Туркмены и русские, россияне, петербуржцы. Связь нашу невозможно прервать, она стала частью генетического кода, нашей совестью, нашей подмогой в век политических катаклизмов. Книга «В тени летящей птицы» Галины и Павла Барышниковых станет очередным тому подтверждением. Это – мост между нашими народами. И народами всей Средней Азии.

Общество туркменской культуры в Санкт-Петербурге «Мекан» от души благодарит авторов за труд и за вдохновение, с которыми написан этот роман. Не сомневаюсь, что его ждет интересная судьба.

*С уважением, Сейидов Нургелди Раджепович,
руководитель Региональной общественной организации «Санкт-Петербургское туркменское общество поддержки и объединения граждан по обмену и развитию творческого интеллектуального наследия «Мекан» («Отечество»)*

В тени летящей птицы

Жизнь — это краткий отдых в тени пролетающей птицы.
Махтумкули Фраги

Часть 1 **Кот войны**

Кто ж не любит сказок! Чем хуже человеку, тем больше он любит сказку.
Анатолий Приставкин

Глава 1

Город Ленинград

Листва над рыжей головой затрепетала. Кот Нестор повел ухом: дождь? Нет, приснилось. Была метель и густо валил плотный липкий снег. От голода он спал целыми днями, и все снилось: весенний дождь, молодые побеги, которые сочны и вкусны; вот сейчас вода смое с земли эту копоть, – может, он и найдет себе чего-нибудь... Два дня не ел. Вышел на охоту да сам еле ноги унес. Озверели люди: то стреляют, то гоняются хуже зверей. Один раз поймали, так чуть не зарезали, еле убежал! А как было хорошо раньше!

Нестор был интеллигентный породистый кот из профессорской семьи. Он спал около батареи на коврик в кабинете хозяина, в теплой ленинградской квартире, и в окно лениво

наблюдал за неторопливым течением Невы. Ему даже приносили на дом кошечку. Ах, какая она была милашка... Когда начался весь этот ужас, он даже не понял. Сначала стала пропадать в доме еда, потом – тепло, потом – люди... Тогда он понял, что одиночество хуже голода.

А потом стало еще хуже, когда на город напала огромная молния. Она с визгом трясла землю, и та лопалась с оглушительным треском и грохотом. Да с такой силой, что стены домов рассыпались, как будто дети одним взмахом ломали домики в песочнице. Спрятаться было негде, а беспощадная сила добралась и до квартиры профессора. Нестерпимый свист, и реву-щее зло ворвалось в кабинет, схватило кота и швырнуло вместе с кирпичной стеной в пустоту. Нестор падал, падал, падал. Он истошно заорал. И тут же вихрь стегнул по глазам, забил кирпичной пылью пасть. Невидимое чудище укусило его за хвост, ударило о землю и заживо погребло под обломками дома.

Как он выжил? Просто повезло. Его не разорвало бомбой, не ударило о камни, он не задохнулся, не умер от глубоких ран, не зачах от голода и не был съеден. Да, сильно повезло... И даже в том, что под Ленинградом болотистые грунты. Еще до Блокады его хозяин-профессор показывал руководству города расчеты, из которых следовало, что мощные фундаменты смогут уберечь город от полного разрушения, так как бомбы будут глубоко проникать в болотистую землю, а крепкие фундаменты домов погасят силу взрывов...

Нестор уже не пытался ловить дичь: ни крыс, ни мышей в городе не осталось. Сначала он думал: сбежали. Но потом понял: съели! Всех мышей и даже котов – съели! Нестор забился под дырявый диван, зализывал раны и трясся от ужаса. Ну и что, что без хвоста, – зато живой.

Его пушистая холеная шерсть скаталась клоками, обгорела, и узнать в этом помятом котище вальяжного толстого любимца было невозможно, если бы не взгляд...

Этого взгляда боялся даже соседский пес Туман. Я, говорит, настоящая овчарка, а сам глаза в пол прячет. Это и понятно: Тумана, крупного щенка восточноевропейской овчарки, принесли в их дом знакомиться, когда Нестор занимал свое почетное место под батареей на бархатной подушечке, а этот голенастый серый с подпалами лопух визжал и с щенячьим восторгом гонял по комнате хозяйский тапок. Надо сказать, чужой для него тапок. Нестор в досаде

отвел глаза: «щенячий восторг» – этим сказано все. Но Туман тыкался в кота крепкими лапами и приглашал погонять трофей.

– Отстань! – зевнул Нестор. Прежде чем заснуть, он услышал, как профессор спросил: «Послушайте, вы же скрипач, Коган, зачем вам такая большая собака?»

– А вы знаете, как наш вождь товарищ Сталин сказал? Каждого иностранца на границе должен встречать богатырь – пограничник с большой красивой собакой.

– Так вы что, собрались на границу?

– Я? – Коган повел узкими плечами и смущенно поправил круглые очки. – Нет. Но все же...

– А как назвали?

– Туман.

– Подходяще...

Когда Нестор открыл глаза, была глухая ночь, тапки лежали на месте, и только отдаленный молочный запах напоминал, что у них в гостях был непослушный ребенок. Ребенок рос быстро. И уж совсем стремительно ему пришлось подрасти, когда у соседей появился свой, настоящий малыш. Но тут как раз все и началось: вой сирены по ночам, взрывы, побег в убежище... Началось то, что люди называли «война», а потом еще страшнее – «блокада». До этого он только слушал про нее по громадной черной тарелке, подвешенной к потолку, там, где раньше, при жизни бабки, висели образа. Образа успокаивали и смирляли, даже в таких критических моментах его жития, как похищение холодца с праздничного стола. А вот это черное блюдо, из которого стальным голосом доносились сводки Информбюро... брр...

Жизнь поделилась на до и после.

Сначала было голодно, потом – очень голодно, а потом рыжий узнал все прелести бродячей жизни. В разрушенной квартире профессора уже давно никто не жил. Нестор так и не понял, куда тот подевался вместе с внучкой: как-то в один день про Нестора все благополучно забыли! О-о-о, он им покажет, как только они вернуться. Он целую неделю будет сидеть под кроватью и не вылезет; пускай Дашка плачет, пускай знают, как его бросать! Но никто не возвращался. Ну хорошо, он просидит под кроватью только три дня... только один... только помяукает... только бы вернулись!

Он научился крадучись выходить на улицу в проломы окна первого этажа и, прячась за обломками, искать себе что-нибудь съедобное. Голод не тетка, Нестор пытался жевать все подряд, что хоть как-то напоминало еду. Уходить от дома приходилось все дальше и дальше. Так он обнаружил реку, где всегда было много людей. Может, и его профессор тоже там? Нестор стал бывать на Неве, хотя это было очень опасно.

Однажды он увидел, как тоненькая девочка в большом овчинном полушубке, обвязанная веревкой, спускалась к проруби. Вот она набрала в бидончик воду и медленно, осторожно понесла его наверх: берега реки скользкие от пролитой воды, можно упасть. Она сливала водичку в ведро, а изможденная женщина держала в руках конец веревки. «Наверное, чтобы девочка не упала в реку», – подумал Нестор. Кот подкрался поближе и с наслаждением полакал пролитую воду, но, как только на него обратили внимание, дал деру.

Он все пытался найти свою семью, и иногда приходил на реку, чтобы из-за укрытия понаблюдать за людьми. Однажды Нестор увидел женщину, похожую на его бабуку. Та осторожно подошла к проруби, дрожащей рукой протянула бидончик к воде, но поскользнулась и без крика, как памятник, медленно ушла под лед. Холодные воды запузырились и сомкнулись над ее растрепанной головой. Вот она всплыла... Нет. Только шапка-ушанка.

Нестор так перепугался, что пулей понесся домой, не обращая внимания на медленно бредущих людей.

В ту ночь кот трясся в своем углу и уже всерьез думал, что надобно из города уходить – тут либо его съедят, либо он так и умрет бесславной смертью, никому не принеся пользы. Нет, лучше тогда, чтобы съели... хоть какой-то смысл от него останется, хоть какая польза. Надо отметить, что, воспитанный в семье профессора истории, кот был весьма сознательным и даже имел при себе идеи высшего порядка. «Бр-rrr, нет, надо уходить. Надо уходить!» И в тот самый момент, как он бодрым голосом отдал себе команду, в квартиру влетела громадная овчарка. Влетела и села около изумленного кота.

– Привет!? – Нестор на всякий случай выгнул спину. – Туман, ты не убежал?

Туман очень серьезно посмотрел ему в глаза. «Нет, все-таки он очень вырос», – подумал кот и вдруг увидел, что к собаке примотано ЧТО-ТО. Что-то очень большое, шерстяное, оно еще кряхтело и пыталось ворочаться... Нестор подошел поближе, понюхал, пахло вкусно. Молочным... Он икнул от голода.

– Но-но, – сказал Туман. – Пора уходить!

На его теле что-то снова зашевелилось и пискнуло. «Ребенок!» – догадался Нестор. В овчинный тулуп замотан и привязан ремнями хозяйский малыш. Вот оно что! Значит, совсем там у них плохо...

Дом сотрясло очередной волной. «Бомбят...» – хотел важно констатировать очевидность кот, но Туман, грубо схватив его за шкуру, выпрыгнул в окно.

И вовремя. По грохоту за спиной было понятно, что дом рассыпался на булыжники и осел серой кучей, как это случилось с соседским.

Не оборачиваясь, они рванули подальше от взрывов. Страх придавал смелость и даже азарт. Но постепенно усталость брала свое. Уже смеркалось, когда они наконец оказались на замерзшей дороге, по которой сплошным потоком шли машины. Только тут беглецы остановились, чтобы перевести дух. Кажется, это замерзшее озеро. А машины двигались без остановки, одна за другой, не зажигая света. Одна, вторая, третья... непрерывной лентой. Ребенок опять заворочался и закричал. «Похлеще сирены», – подумал Нестор и прижал уши. Туман заметался по заснеженному льду. Что делать? Нет, они не остановятся, ни за что, даже если – под колеса!

Под колеса? Н успел кот и мяукнуть, как Туман бросился наперерез грузовику. Нестор сжался от страха, ожидая удара и визга задавленной собаки. Он услышал визг, но это был не Туман: машина затормозила прямо перед овчаркой. Да так резко, что следующий грузовик свернул в сторону, съехал с дороги и завяз в ледяной каше. Из кабины выскочил шофер и, подбежав к затормозившей полуторке, резко распахнул дверцу.

– Ты что, ослеп? А ну вылезь! Ща zenки прочищу! – донеслось до Нестора.

И вдруг случилось непонятное. Напавший мужчина попятился от машины. Раздался девичий смех, и на снег спрыгнула невысокая девушка.

– Это вы мне? – обратилась она к оторопевшему шоферу.

Тот не знал, что и сказать.

– Ты это... чего остановилась? – все еще разгоряченно прокричал мужчина.

– Так собака бросилась под колеса.

– Какая?

– Да была! У нее еще на спине что-то было привязано.

– Мина, что ли? Где собака-то?

– Была... Убежала.

– Ну ясно! Привиделось, а ты – по тормозам. Под суд пойдешь: вся колонна стала. Давай документы!

Девушка помедлила, потом юркнула в кабину.

– Вот, нате.

– А ну... Милова Зинаида Модестовна. Странно, все в порядке. Да кто тебе руль газогенераторной полуторки-то дал, Зинаида Модестовна? – Мужчина критически осмотрел

девушку. – Наверное, и завести-то ее вручную не сможешь. Ее ж дровами топят, а руки-то у тебя вон какие.

– Какие? – обиделась девушка.

– Женские, слабые.

– Знаете что! Вы бы... Ой, глядите, вон она!

– Кто?

– Да собака с рюкзаком!

– Да где?

– Да к вашей машине побежала!

– Ах ты, мать честная... Забыл совсем! – Шофер подхватился и побежал обратно.

А люди уже повыскакивали из кузова и окружили полуторку, застрявшую в ледяном плену. Туман подбежал и поставил свои могучие лапы на грудь богатырского роста мужчине в полушубке, от которого, как и от его молодого хозяина, пахло табаком.

– Ой! – отпрянул тот, а затем пригляделся к странной собаке и ее «наезднику».

– Ребята! – заорал он то ли от радости, то ли от удивления, сверкнув крепкими зубами. – Да тут ребенок!

Туман лег на снег и улыбнулся ему.

– Умница, какой же ты умница! – склонилась над овчаркой молодая женщина.

– Конечно умница, ты побегай с таким грузом, да еще голодным, – поднял грустные глаза пес, виляя хвостом. Нестор на всякий случай подошел и сел рядом.

Ребенок опять закричал, и тут кот понял, что понимает крик малыша, тот кричал: «Кушать! Мама! Кушать! Холодно! Страшно! Мама!»

Кот потряс головой и смахнул с себя странную мысль, та упала в снег и быстро поползла как гусеница, оставляя глубокий след. «Значит, тяжелая», – констатировал он. Ребенок грудной, недавно родился – какие слова? Это все от голода. Нестор уже не помнил, когда догрыз последнюю сухую рыбку, найденную в доме профессора под подоконником. И почему эту сухую рыбу не съели хозяева? И вообще, куда хозяева подевались и почему не взяли его? Ушли по гудку сирены и больше не вернулись... В плохое кот не верил, он не то чтобы был оптимистом, просто считал, что такой заслуженный профессор, как его хозяин и его внучка, должны быть спасены и они спаслись. Вот едут же сейчас эти люди? Едут. Значит, и они могли уехать... Кот вздохнул и не стал дальше думать, почему оставили его одного...

Ребенок опять заплакал, но уже тихо. Женщина отвязала его и внимательно разглядывала.

– Смотрите, там записка. – Она развернула клочок бумаги, прочла вслух: – «Его зовут Саша Коган, 7 месяцев. Спасите, прошу!» Ах ты маленький мой!

Саша улыбнулся на ласковый голос.

– Давайте к нам, в машину! – крикнула пожилая женщина, высунувшись из кабины. – Здесь у нас есть мамочка, у нее ребеночек погиб, – может, еще молочко сохранилось...

«Молоко»! Услышав любимое слово, Нестор поставил обрубок хвоста трубой и громко замыкал, с вызовом и надеждой глядя на женщину.

– Ну что, Егор, – обратилась та к водителю. – Может, и этих захватим? Тут ведь точно погибнут!

– А места хватит? – Присмотрелся шофер к странной парочке. Пес ему нравился, а вот кот...

– Хватит, хватит! – Женщина полезла в кузов. – Мамочка, иди-ка с ребенком в кабину! И этих возьмите, теплее будет.

– Конечно теплее, – мяукнул Нестор. – Шерстяные чай.

Так они оказались среди людей. Как и куда ехали было уже не важно, – главное, они выбрались из города. Хотя, это был их город. Нестор любил на него смотреть из окна, а Туман, знал все его закоулки.

Так они бы ехали и ехали, но голод не тетка. Эх, тушеночки бы, у солдат-то наверняка есть где-нибудь.

Нестор вспомнил, как недавно на полусогнутых вышел из окна, как он это теперь регулярно делал, и пошел искать себе пропитание. Разрушенный дом напротив кормил его время от времени. То он косточку найдет, то картофельные очистки. Все годилось для поддержания сил. В этот раз он услышал странный шум, принюхался и сам себе не поверил: мясо! Пахло тушенкой, той, замечательной, какую передавал профессору сын с фронта через какого-то солдата. Рыжему тогда позволили облизать баночку... Нестор по-пластунски пополз на запах: перед ним сидел отощавший старый разбойник, бездомный кот по имени Тиран. Так звали грозу их двора, с оторванным ухом, подслеповатым от драк глазом и оттого с хитрым пиратским прищуром. Тиран смачно вылизывал застывшую на морозе тушенку. Банку разворотило взрывом. Видимо, кто-то так и не полакомился спасительным армейским пайком. Откуда в Несторе взялась отвага, он так и не понял: голод выгнул его спину, поднял остатки шерсти, вспомнилась обида, как в начале войны Тиран гонял его, и если настигал, то наотмашь драл крепкой когтистой лапой. С диким воем отощавший Нестор свалился на Тирана: «Отдай мясо, мерзавец!» От неожиданности тот подпрыгнул, но ловко увернулся от лап рыжего и с ревом упал на обидчика: «Мое мясо, и ты – мясо!» Тиран не шутил. Ослабевший от голода Нестор отчаянно забился в его когтях, силы быстро покидали его. «Какой нелепый конец, а я так ничего и не сделал для вечности!» – еще успел подумать он, дернулся – и затих. Если бы не Туман! Тот появился как раз вовремя, схватил разбойника поперек тела и с силой швырнул о стенку. От удара Тиран коротко мявкнул и замер на камнях, нелепо подвернув голову.

– Ты что, его убил? – приподнялся Нестор.

– Думаю, да, – довольно лязгнул огромными клыками Туман.

– Но ведь это же убийство! Как ты мог? – округлил глаза рыжий.

Вдруг Тиран зашевелился, жалобно мяукнул и медленно встал на лапы. Пошатываясь, он двинулся к тушенке, из разбитого носа сочилась кровь.

Туман развернулся к нему и угрожающе зарычал.

Но это не остановило старого разбойника. Он оскалился и приготовился к прыжку.

– Туман, Туман! Мяу! – завопил Нестор, заслоня собой банку.

Туман рывкнул так, что Тиран тут же пришел в себя и метнулся в проем подвала. «Вам конец, мяу-у-у-у!» – завыл он из темноты.

Тушенку эту они съели там же, вдвоем. Нестор старательно облизал морду овчарки: «Ну, обязательно испачкаешься!»

– Помнишь? – Нестор кинул яркое воспоминание Туману. Пес положил голову на лапы и заскулил. Он о другом думал. С хозяином, еще до войны, они за прогулку оббегали все площадки и парки района... Нет, лучше не вспоминать. Он закрыл глаза, но все равно увидел, как в последний раз хозяин побежал с молодой женой и ребенком в бомбоубежище, но не добежал, споткнулся и упал ничком. Где-то гремели взрывы, сверху летели бомбы, кривились и оседали дома, а они стояли с Машей и не могли сдвинуться с места, Маша только прижимала к себе новорожденного Сашку и выла, как та самая сирена. Он дернул ее за рукав и потащил в убежище. Как он тогда сумел оттащить ее от убитого хозяина?

И вот он уезжает из этого города. Бежит. Бежит! Машина то подсакивала на ледяных сугробах, то вязла в снегу, если они пытались объехать ледяные надолбы. Нестор трясся всем телом и жался к Туману. Вскоре грузовик поехал ровнее, потом – совсем остановился. Вокруг был лес, стояли какие-то домишки по пояс в земле, а сверху – бревна, горели костры, сидели

солдаты. Водитель вышел, смеялся и что-то громко рассказывал, кивая на собаку. Нестор не слушал. Его томил знакомый запах. Что же это? Он по-хозяйски покрутил головой. Сашка сопел у груди молодой женщины. Вкусно, но не то. Водитель продолжал смеяться, пряча бумаги в потертый кожаный планшет. Не то. Вдруг он заметил, что люди у костра что-то едят. Так это же... у него свело челюсти голодной слюной. Тушенка! Он встрепнулся и боднул впавшего в забытье пса. Есть хотелось нестерпимо.

– Нет, честное слово, они там все едят! Пошли!

– Куда? – обреченно спросил Туман. Все силы, что были, он потратил на бег с малышом на спине.

Нестор снова толкнул его носом.

– Еда! Видишь?

– Где?

– Там!

Туман повел носом и наострил уши. Потом посмотрел в сторону малыша и заскулил.

– Да с ним все нормально. Его тут кормят. А вот нас... – Кот прыгнул вниз, за ним сиганул пес.

– Куда, черти? – закричал водитель, машина дрогнула, зафырчала и поехала дальше.

– Мы тут заночуем! – мявкнул Нестор, но водитель его уже не слышал, да если бы и слышал, то все равно бы не понял. Вот что это за несправедливость такая? Почему он, обыкновенный кот Нестор, и людей понимает, и собак, вот ворону прекрасно понимал вчера, и даже младенца... а вот его никто не понимает! Ни один человек... Вот, может быть, только Дашка... Внученька, как звал ее профессор.

Они подошли к костру. Туман лег на пузо и пополз к большому котлу с дымящейся кашей. «Это, наверное, сон», – говорил он себе и полз дальше.

– Волк! Волк! – заорал солдат и выставил вперед винтовку.

– Да какой это волк? – засмеялась девушка в полушубке, похожая на молодого барашка: сама такая же белая и курчавая. «Голос звонкий, как у Дашки», – подумал Нестор и понял, что скучает.

К ним подошел главный, который останавливал машину и что-то проверял.

– А, это ты, герой! – погладил он Тумана по голове, тот прижался к нему, потом пощеченьки подскочил и лизнул главного в лицо.

– Вот подлиза, – засмеялась девушка.

«Точно, подлиза», – подумал Нестор. – Я вот бы так с чужим человеком ни за что...»

Но тут он увидел, как перед Туманом выросла огромная дымящаяся миска...

Кот поднял ободранный куцый хвост и потерся о сапожок «овечки»: «А мне-е-е-е!»

– А вот и лиса – да, Дима? Только без хвоста.

Главный покосился на Нестора, погладил его когда-то пышную и широкую, а ныне – костлявую и облезлую спину.

– Зверюги... Тоже ведь пострадали – да, Наташка?

Наташка грустно кивнула, взяла на руки Нестора и понесла в свой бревенчатый дом. И тут началось счастье! За столько времени, потерявшая всё зверюга, почувствовала тепло, кинулась к печке и замурлыкала. По телу прошел приятный озноб. Потом перед ним появилась миска с кашей, в которую заботливая рука добавила сгущенку... Миску большую, как у Тумана, которого одобрительно разглядывали воины, а самый главный уверенно, по-хозяйски гладил и рассказывал у костра историю, как этот самый пес вынес ребенка из-под бомбежки и как мать, умирающая от голода, привязала младенца к его спине, надеясь на спасение...

Нестор вылизал миску и запрыгнул на дощатую кровать девушки. И только утром понял, что и Туман спал рядом, на полу, охраняя вход в хозяйское жилье.

Глава 2

Слухач

Время пролетело незаметно. Уже колосилась весна. Звери прижились на новом месте. Это оказалась зенитная батарея, защищавшая небо на подходах к Ленинграду. В обслуживании зенитов было много молодых бойцов, которые нет-нет да и подкинут что-нибудь вкусное, лишь бы погладить рыжего кота. Вот это была жизнь! Тумана командир батареи научил доставлять в ошейнике поручения в штаб, который находился в нескольких километрах от отряда, а Нестор важно восседал на коленях у медсестры и громко мурчал, создавая домашний уют в землянке. Наташа даже пыталась вычесывать его, но из этого ничего не выходило, – вечно чумазый, обгорелый Нестор, которого тут прозвали Васька-Лис, ходил в «самоволку» мышковать и опять возвращался в колтунах и колючках. А овчарке придумали кличку Дозор.

Они иногда переезжали. Этого Нестор очень не любил, потому что это сильно мешало его размышлениям на всякие умные темы. Почему, думал он, земля вечно голодная, а небо – вечно сытое? Вот на земле сколько ни работай, а она все равно требует сил. Профессор на даче с Дашкой сажал разную культурную траву, а ее съедали всякие жучки и улитки, а ненужная снова росла, и все приходилось вновь и вновь тянуть из земли! Бесконечная суета и глупость, думал Нестор, наблюдая, как Наташа по весне разбила маленький огород, а солдатики с грядок повываскивали еще совсем молодую редиску. А вот трава, которую так любил Нестор, опять себе поросла ему на радость. Снуть! Очень сытное слово, думал Нестор.

Однажды, когда рыжий вернулся на батарею из очередной самоволки, он вдруг почувствовал врага. Где-то далеко, на подходе к городу, загудели моторы. Он прекрасно помнил их характерный гул, за которым последовала та самая молния, которая чуть его не убила. О! Теперь он понял, какая связь между гудением в небе и чудовищем. Надо было срочно предупредить всех и спрятаться самому! Шерсть на спине у него вздыбилась, глаза от страха округлились, обрубок хвоста метался из стороны в сторону. Что делать, что делать? Надо что-то делать! Гул нарастал.

– Ну что ты вертишься, – окрикнул его Туман. – Иди у печки поспи!

Какая тут печка! Нестор-Василий метнулся в домик, завертелся юлой у ног сидящего за столом командира, прыгнул ему на колени, прижал уши и издал сдавленный вой, похожий на гул самолетов. Потом закашлял: «Ке-ке-ке-ке!»

– Да иди ты, – скинул его на пол капитан, – опять в лесу тухлятины обожрался?!

Кот бросился под топчан.

И в этот момент в землянку вбежал боец: «Товарищ капитан, воздух!»

Иванов, как ужаленный, выскочил наружу: «Проглядели, сукины дети! Я вам покажу на посту спать! К орудиям! Прицел... поправка... Огонь!» Заговорили, захлебываясь огнем, зенитки. Нестор забился в самый дальний угол и, как тогда, в начале войны, трясся от ужаса. Долгая память не отпускала.

Но вот гул затих, и командир буквально ввалился в землянку. «Чуть не пропустили гадов, елки-моталки, спят на посту, расстрелять мало!»

– Товарищ капитан, вас, – робко подал трубку связной.

– Да, товарищ третий, слушаю! – Капитан вытянулся в струнку. – Да, виноваты... Да, понесем наказание... Да, личную ответственность!

Нестор вылез из-под топчана, оглянулся с презрением на Иванова и, подняв трубой остаток хвоста, важно вышел из землянки.

И тут до капитана дошло.

– Поди ты... – присвистнул он. – Васька, Васька, Васька, поди-ка сюда! Кс-кс-кс! Ты их, растудыт твою дивизию, слышишь, издадека что ли?! Да ты слухач! – догадался он с опозданием.

– Мяу! – отозвался Нестор и важно сел у печки.

На следующий день в воздухе снова раздался гул самолетов. Командир сел напротив и пристально посмотрел на разомлевшего кота. Но тот даже ухом не повел на своем теплом местечке.

– Оглох, что ли, твой слухач? – усмехнулась Наташка.

– Да нет, что-то не то... – Дмитрий внимательно следил за рыжим. – Тихо! Слышишь... Натах, – это же наши. Точно! Ах ты, рыжая портянка, чует своих!

Иванов подскочил на табурете и хлопнул себя по колену. Кот со страху бросился под кровать.

– Так у тебя тут свой разведчик! – захохотала жена.

– Слухач. – Дмитрий был серьезен. Он вышел на свежий воздух, закурил и проводил взглядом самолеты. – Наши. Летят на Ленинград.

Ленинград! И такая вдруг тоска обрушилась на Нестора! Просторы питерских проспектов, туманы, зависшие над свинцовой рекой, свой дом с половичком, что связала старуха перед смертью ему, Нестору. Он вдруг вспомнил, как она, тогда еще совсем не старая, принесла его морозным днем и положила на подушку маленькой Дашке. Рождество тогда было, и свечи настоящие горели на настоящих елках, и радостно пахло пирогами, и ему налили в блюдечко молока. А потом вышел профессор в больших тапках и взял его в руки.

– Ишь ты, какие глаза-то смышленные. Вот-вот заговорит...

– Ну, деда! – внучка пыталась вырвать котенка из рук профессора. – Ты еще скажи, что он наблюдает за нами, а потом все запишет и отправит кому надо...

– Напишет, говоришь? – Дед еще выше поднял рыжий пушистый комочек к своим подслеповатым глазам. – А может, и напишет, летописец... Как ты назвала его?

– Васька.

– Васька? Хм... Будет Нестор! – сказал как отрезал. Дашка даже капризничать не стала.

Так и стал он Нестором. Только, видно, след первого имени все же остался, раз его тут, у зенитчиков под Ленинградом, стали звать Васька-Лис.

Командир вышел на крыльцо, погладил Нестора по спине.

– Ну, спасибо... боец Василий!

Так и повелось: задолго до атаки, когда небо было еще чистым и ничего не предвещало налет, Нестор начинал чувствовать неприятеля и вертелся у орудий, истошно вопя. Зенитчики были наготове и достойно встречали врага.

А потом кота и собаку официально поставили на довольствие: служба.

Только солдаты всё шутили: «Эй, герои, куда медали будем прикалывать? Аль на хвост вешать?»

Глава 3

Рогатая дивизия

Однажды ранним утром Нестора нестерпимо потянуло в чашу леса. Что это было? Он все равно ходил на охоту, хотя кормили его исправно. Рыжий отрастил себе гладкую длинную шерсть, которая красиво переливалась на летнем солнышке.

– Лягушек захотел? – улыбнулся Туман.

– А ты знаешь, если бы тогда в блокаду лягушки были, сколько бы котов сберегли... – с горькой усмешкой ответил кот.

– Ну, во-первых, блокада – она и сейчас блокада. Вот зимой, да... Только где зимой лягушек взять?

– И не только кошек – сколько б людей сберегли. От голода умерла мама Сашки. Как он? С кем? – Пес положил голову на лапы и всхлипнул. Со стороны казалось, что Туман икнул. – А потом лягушки – они, ты думаешь, не хотят жить? – продолжил он, подняв уши.

– А ты исправляешься, лягушек пожалел. А тогда Тирана чуть не уби... – Нестор насто-рожился. – Что? Что это? Слы-ши-шь?

– Айда в лес! – Пес перемахнул через лежащего на траве кота и скрылся за густыми елками.

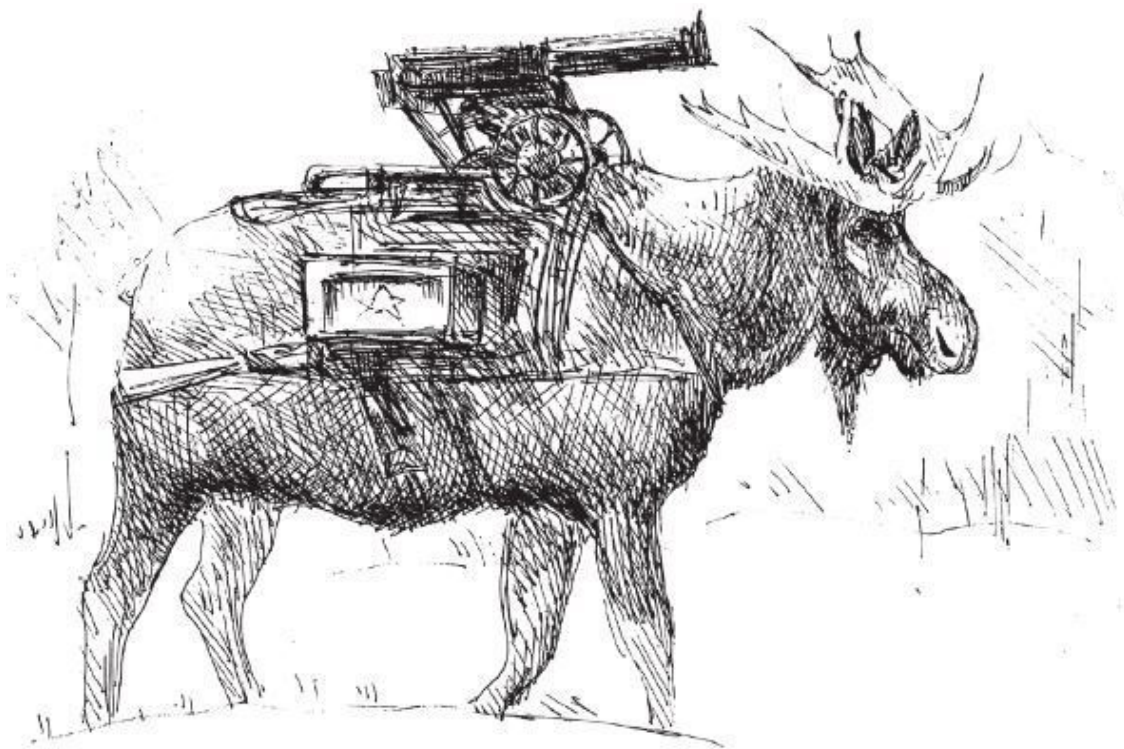
Кот последовал за ним:

– Ты чего? Тоже на лягушек потянуло?

Туман улыбнулся, озорно высунув язык. «Тихо ты!» – одними глазами скомандовал Нестор.

Они пошли тихо, мягко ступая на сухие еловые ветви. Невдалеке от них раздался стран-ный хруст и такой яркий терпкий звериный запах... Но незнакомый. Волк? Лиса? Медведь? Пахло сильно – зверь, видать, был большой. «Значит, медведь», – решил Нестор, который на Дашкиных коленях насмотрелся сказок про Мишку-медведя и Машеньку...

Он на всякий случай ближе прижался к собаке. В этот момент совсем рядом как хрустнет! Нестор от страха подскочил и вцепился в спину Туману, тот рванулся вперед и напоролся на мохнатое, упругое, массивное, долгоногое. Не сразу кот и пес подняли глаза: перед ними стоял... олень! И не просто олень, а взнузданный! С наездником! А еще между рогов у него устойчивую позицию занимал пулемет. Вот это да! Кот свалился со спины друга.

– Наши!

– Ну, наши, только зачем в спину-то когтями, – тряхнул головой пес и на несколько шагов отошел от оленя, чтобы лучше разглядеть чужую картину.

– Смотри, звери, – к ним наклонился всадник и потом обернулся к другому, такому же лихому наезднику.

Звери посмотрели в направлении голоса и увидели целый рогатый отряд.

– Значит, жилье близко, – сказал другой голос.

– Пойдем, поищем. Может, подскажут, где наши зенитчики. На старом месте их нет.

– Так мы ж переехали! – пытался сказать Нестор.

– Смотри, что-то кот размяукался.

– Как бы выйти к Иванову?

О, это имя Нестор хорошо знал. Это имя гладило его по спине, даже когда ругало тех, кто стоял навтыжку перед ним. Это имя выдавало им, как бойцам, паек, а Тумана так и вовсе звало Сержант Дозор!

Завидно немножко, вот Нестора сержантом, даже младшим, никто не называл... Так они к нашим идут, заблудились, значит...

Нестор подошел поближе к Туману и, чтобы не подслушали, тихо сказал:

– Я к нашим, предупредить, а ты води их к нам, но в обход. – И скрылся.

Туман думал медленнее, но основательнее Нестора. Он походил кругами вокруг странных невиданных зверей; он-то в кубики с картинками не играл и книжек не читал про оленей. Его маленький хозяин так и не дорос до книжек... Где он сейчас? Пес снова всхлипнул.

– Что ты разыкался, сердешный? – Всадник отвязал с пояса флягу, полил в ладонь и протянул Туману. Ладонь была основательная, широкая, пахла землей и порохом – хороший мужской запах. Надежный. Туман вылизал мокрую руку, тот налил еще. – Видишь, мало водицы у нас осталось, друг, потеряли мы своих, заблудились.

Туман встал на задние лапы, посмотрел на всадника и громко тьякнул.

– Тихо ты! – сказал другой.

– Да ты погодь. – Тот, что его поил, внимательно посмотрел на пса. – Понимает он. К своим выведет...

– Думаешь?

– Да и ошейник у него из солдатского ремня сделан, смотри. Ну, води нас к своим, друг сердешный. – Говор у солдата был мягкий, как реченька в полдень, Туман поверил голосу.

И повел. Шел не быстро, в обход, как и просил Нестор. Когда они вышли, то командир Иванов уже ждал их, за ним стояли бойцы с винтовками. Нестор кругами ходил рядом. Перепугал он их, что ли? Чего они ждали? Самолеты врага со стороны леса?

– Что это за армия такая на оленях? – спросил капитан звонким голосом.

– Продвигаемся к Карельскому фронту, – соскочив с оленя, доложил командир необычного отряда.

– Документы?

– Пожалуйста.

– Ух ты? Зверюги наши трудятся на славу! – с опаской подошла к оленю медсестра Наташа.

– Это еще что – вот тут с северо-востока армия на лосях! – ухмыльнулся наездник.

– Лосях?

– Да, чтобы в тыл к фрицам заходить в лесах. Если на конях, фрицы по кованым копытам живо нас вычисляют. А на лося они не реагируют. Лось – он и есть лось. Кому в лесу быть, как не ему! А он на горбу выносит целую батарею!

– Так и скажешь – батарею!

– Так и скажешь – на горбу. Он что – верблюды, что ли?

– А я слышал, что Южная армия готовит верблюдов.

– Скажешь тоже...

– Нет, честное слово! наших оленей ведь тоже тренировали...

– Дрессировали.
– Какая разница! Вот инструктор и рассказывал, что под Сталинград стягивают небольшой отряд дрессированных верблюдов. Из Туркмении везут.
– Так чего удивляться, – важно сказал командир Дмитрий Иванов, – у Ганнибала...
– Кого?
– Ганнибала. Полководец был такой.
– У немцев?
– Нет. Ну, в общем, в давние времена. Так вот, у него слоны служили в армии.
– Почему знаете, товарищ командир?
– Историк я, – тихо сказал командир и посмотрел на жену. Наталья закивала. – Так вот римляне панически слонов боялись. А потом смекнули, что слоны сами боятся шума и огня, и тогда выставили против огромных слонов маленьких свинок, которых намазали горючим веществом и подожгли: свинки истошно орали, а слоны испугались и побежали обратно и в панике давили своих же.
Солдаты бурно засмеялись.
«Какое варварство, брррр, тоже мне, еще людьми называются!» – Нестор демонстративно полез в землянку. Уж лучше он поспит...

Глава 4

Дорога домой

Зима приближалась – и опять, похоже, будет свирепой. Озеро уже замерзло. Нестор все чаще думал о том, что, конечно, хорошо, что они теперь в строю и, как могут, приближают победу, вот не только собаки и коты, – лоси, олени и верблюды, оказывается, тоже небывалые бойцы Красной армии. Но что-то все чаще его изнутри сверлила мысль, что сбежали они с голодного города, как трусы. Тут за лесом у зенитчиков кот отъелся, набрался сил и храбрости и как-то придиричиво стал смотреть в свою тощую кошачью душонку.

– А если профессор с Дашкой вернется?
– И что? – Туман был невозмутим.
– А дом разбомбили, и им жить негде...
– А ты что, строитель у нас? – Пес иронично поднял одно ухо.
– Да переживаю я... ведь мы – сбежали! А они искать будут, волноваться...
– Мы ребенка спасали! – Туман отвернулся к стене и демонстративно засопел. Он и сам переживал: на кого ребенка оставил? Зачем спрыгнул с машины?

Так бы и мучились кот и пес, если бы однажды через расположение их батареи не проехали две машины с продуктами для блокадного города. Один шофер подсел к огоньку погреться и сильно испугался, когда к костру неторопливо вышел Туман, чтобы посмотреть на людей и посидеть у огонька. Пес был сыт, и его сейчас интересовали только дела в городе – шоферы обычно щедро делились новостями. Шла вторая зима блокады...

И тут к костру подошел второй шофер, неказистый, с большими руками, перепачканными машинным маслом.

– О! Так это тот самый герой? – разувбался он щербатой улыбкой.
– Какой еще герой? – спросил первый.

И тут щербатый рассказал, как год назад подкинул к себе в кузов странную компанию с котом, собакой и младенцем...

Туман аж подпрыгнул, стал повизгивать и вилять хвостом:

– Что? Что было дальше? – просил он.
– О, смотри, словно бы понимает, что... – Водитель погладил пса.
– А что с малышом стало? – спросила Наташа.

– Так ее взяла к себе бабенка одна. Только это пацан. Сашкой зовут. Ходит уже, говорить пробует. Все «папа» говорит, а что это – не знает. Девка-то наша без мужа – всех убило: и ее ребеночка в городе, и муженька на фронте...

– Да... И у малыша ведь все погибли. Я помню... мамка – от голода... – шмыгнула носом Иванова. – Ох, война, война...

– А батя, наверное, на фронте...

– Нет! Нет! – Туман хотел рассказать, что его хозяин – музыкант и он с оркестром остался в городе и что на скрипке играл, с ним ходил в парки, и что-то сочинял, пел, сам с собой... Смешной такой был, в очках... А потом просто не успел... Бежал, – взрыв, и упал. Осколок...

Туман завыл.

– О, и зверюга, все понимает, помнит...

– А где этот малыш сейчас?

– На окраине города. Молодуха не захотела в эвакуацию. Своего все ждет, ходит к разрушенному дому, записки мужу пишет и вешает.

– Куда?

– На уцелевшее дерево.

– А она не того?..

– Если б не малыш – с ума бы сошла.

– Так вы видите их? – Сердобольная Наташка стремглав сорвалась с места и вскоре с авоськой подскочила к костру. – Вот, передайте ей. Тут немного еды. Она ведь кормящая?

– Так на следующий день, как погиб ейный малыш, я ее насильно вывез... А в машине-то этот ваш разбойник ей ребеночка-то и подкинул. – Шофер протянул руку к собаке. Туман с такой надеждой посмотрел на него, что водитель не выдержал и отвел глаза.

– Смотрит, как человек...

– Так человек и есть, – отчего-то подумал про себя Туман.

Ночью ему не спалось. Водители решили выехать на рассвете. Туман пришел к сонному Нестору прощаться.

– Ухожу я.

– Куда?

– К своим.

– А тут что – чужие тебе? Кормят, как бойца, доверяют, как бойцу! Сержант Дозор! – Кот от досады перешел на шипение. Только отожрались – и на тебе!

Наташа цыкнула на него и бросила сапогом.

Пришлось выходить наружу.

Светало. Туман сидел весь скукоженный.

Нестору стало его жалко:

– Ну, ты чего?

– Да не могу я. Там наш ребенок, понимаешь? Мне его доверили, а я на похлебку променял.

– Я понимаю... Я вот тоже все про Дашку думаю. А вдруг она выжила? А вдруг к дому пришла, а квартиры нет? А вдруг дед помер, и она одна? А вдруг...

– А пошли со мной? – Пес лизнул Нестора в нос.

– Да ладно, – тот отмахнулся лапой, но было приятно...

– Пошли, а?! Вместе будем искать. Помнишь, Иванов сказал: свои своих не сдают...

Рано утром, стащив из кухни кусок говяжьей ноги, пес и кот забрались в кузов машины, зарылись в брезенте и притихли. Водители наскоро позавтракали вчерашней кашей. Сели по машинам. «Главное, чтобы они машинами не поменялись», – думал Туман, по запаху найдя грузовик своего шофера. Все сработало по плану. В дороге они поспали, в перерывах подгрызая ворованный кусок. Кто знает, кто и когда их будет кормить в блокадном городе.

В небе раздался гул моторов.
– Свои, – выдохнул Нестор.

Глава 5

Сашка

Когда машина подъехала к бараку, Нестор с Туманом спали глубоко, вот тут шофер и «накрыл» их с поличным – да с мясом в обнимку!

– Ах вы, шелудивые твари! – удивился он. – И куда вы?

Звери спрыгнули, а он замотал в брезент остатки мяса и заткнул подальше за канистры. Взял командирский паек, вошел в подъезд, помялся у двери, постучал, озираясь, словно за ним кто следил.

Дверь открыла изможденная молодая женщина с синими кругами под глазами.

– А, Егор, заходи.

Нестор дернулся, хотел прошмыгнуть в дверь, но Туман придержал его увесистой лапой.

– Будем ждать.

Ждали долго. Туман уже пожалел, нужно было сразу рвануть в квартиру – не выгнали бы! Ведь помнит же она, что это он, Туман, вынес ей мальчонку...

Наконец дверь подъезда открылась и сначала вышел Егор, потом молодуха с малышом, укутанным в платки. А тулупчик-то на молодой тот самый, в который Сашку завернули и к нему привязали! Туман не выдержал и рванул наперерез. Женщина заорала от страха.

– Ах ты, бестия! – Шофер загородил Матрену. – Да не бойся ты, Матрен, это же тот самый. – Егор увидел Нестора. – И кот здесь, гляди!

– Уйди! Уйди! Мой! – отмахивалась от собаки женщина, прижимая к себе ребенка.

– Да ты посмотри, Матрена, видать Бог тебя любит, сразу троих послал...

– А третий кто? – озираясь, спросила Матрена сильным голодным голосом.

– Так вот кот.

Нестор, как актер, вышел на поклон.

– О Господи!

– Так я и говорю... Бог тебя любит.

– Нет никакого Бога. Комсомолка я.

– Это когда ты среди людей, а когда один остаешься – очень даже есть...

– Езжай, Егор. Спасибо тебе...

– Так ты ж со мной ехать хотела?

– Так куда ж я теперь?

– А-а-а, решила команду себе оставить?

– Нет! Нет. Кормить чем я их буду?

– Ладно... – Егор заглянул в кузов и вытащил из-под брезента обкусанную говяжью ногу.

– Слушай, Матрена, а ведь ты рассказывала, что на днях крыса Саньку съесть хотела?

– Тьфу на тебя! – плюнула на белый снег Матрена. – Укусила за палец. Так он разорался, и я проснулась...

– А не проснись?..

– Тьфу на тебя!

– Не дури, баба, бери зверей, как-нибудь прокормитесь. Когда я тебе подброшу чего...

Или давай я пса заберу? – Егор сделал движение к Туману, пес зарычал.

– Ох, какой! – опасливо покосилась на него Матрена.

– Все понимает. – Егор улыбнулся щербатой улыбкой и на обветренном его лице разошлись, как солнечные лучи, глубокие морщины.

– А он не заберет Сашку?

Малец услышал свое имя и залепетал.

«Папа» слышалось отчетливей всего в этой каше звуков.

Туман икнул и подошел близко к женщине, поднял глаза на ребенка и снова икнул.

– Посмотри, Егор, – так он плачет!

Туман отвернулся, его слезы никто не должен видеть.

Матрена протянула руку в варежке и погладила собаку. Пес прижался к знакомому тулупу. От него уже не пахло Машей, пахло Сашкой и Матреной. Нестор подошел к овчарке, и оба посмотрели на малыша. Матрена опустила на снег ребенка. Тот заулыбался и потянул ручки к животным.

Теперь икнул Нестор.

Глава 6

Симфония жизни

Так и зажили вчетвером: Туман каждый день навещался в леса, благо за долгое и теплое лето развелось много зайцев, и почти всегда он приносил «замученную» по полям и лесам тушку. Этот трофей кормил сразу четыре семьи. Варили бульон, звери получали пенку, потроха и задние лапы. Матрена оказалась женщиной доброй, соседских ребятишек жалела и кота давала «поносить» по всем квартирам. Крыс поубавилось. По крайней мере по ночам больше никто так нагло не ходил по комнатам, на кровати не прыгал, не хрустел по углам...

В первую блокадную зиму мыши и крысы в городе перевелись, как, впрочем, и кошки. Но во вторую – грызуны размножились стремительно: у них появился корм, много корма. Умерших зимой не хоронили: сил не было, да и за каждого живого полагалась карточка, поэтому все числились живыми.

Время от времени Егор подвозил Матрену на грузовике к ее несуществующему дому. Матрена продолжала писать мужу и развешивала листки возле останков бывшего жилья: то на деревьях, то на руинах дома. Потом облюбовала елку и, как рождественские игрушки, прикрепляла записочки из обрывков найденной бумаги. К ней многие относились с сочувствием, а кто – снисходительно, как к больной, тронутой умом, бабенке. Много их таких, потерявших близких, ходило с безумными глазами по городу.

Зверье ждало дома. Только однажды, когда в очередной раз приехал Егор, Матрена командовала ему: «На Фонтанку!» Что тут началось с Туманом! Он завизжал и начал кружиться, как волчок. Он узнал это слово. Фонтанка! Да, это его родные места. Рядом, совсем рядом, где-то на Фонтанке был их мир, оттуда они отправлялись на прогулки – он знал там каждый закуток...

– Что это с ним, Егор? – забеспокоилась женщина.

– Знакомое слово услышал. Возьми-ка его с собой.

– Не отдам. – Матрена прижала к себе Сашку, заметно подростшего за эти месяцы.

– Не дури. Кто у тебя заберет?

– Не возьму! – Она ждала опасности отовсюду и понимала, что присвоила себе чужое, но ничего поделаться с собой не могла. – Мой он. Только мой.

– Да твой, конечно твой! – Егор заулыбался. – Если б был у него кто, разве ж тебе отдали?

– Он бы умер без меня, – оправдывалась Матрена и все теснее прижимала к себе малыша. Тот заплакал.

– Да оставь его, дуреха, задушишь же. Возьми псину, говорю тебе.

И они поехали. Дверь в квартиру захлопнулась прямо перед носом изумленного кота.

Они выехали на Невский проспект, еще поворот, еще и...

Пес залаял. Егор остановил машину, Туман вырвался на свободу и полетел знакомой дорогой. Когда очнулся и огляделся, он не узнал двора. Дома вокруг не стояли, а лежали, лежали мертвыми горами кирпичного крошева, а где были стены – зияли пустые глазницы. И тут вдруг из черного раструба полилась музыка. Туман сел на черный снег и заскулил. Это была его музыка. Именно эту музыку играл с утра до вечера его хозяин на своей скрипке. И вдруг:

– Туман!

Он вскочил на ослабшие лапы.

– Туман!

Пес завертелся на месте: его звала женщина, укутанная в тряпье.

Она подошла ближе, и тут он узнал соседку с первого этажа.

– Пришел, Туманушка... – Она погладила его по темной, с проседью, спине. Сзади закрипели шаги. Туман обернулся: хозяин?

Подошли запыхавшаяся Матрена и Егор.

– Так он – Туман? А мы его Шариком звали...

– Так какой же он Шарик – это овчарка. У Коганов жила, у скрипача.

– А где они сей?... – Голос Матрены треснул и сорвался.

– Так все погибли. И Маша, и даже ребеночек... Все.

– А муж? – Матрена спрятала лицо в закутанном Сашке, который все пытался вырваться и уже начал подавать голос.

– Так он раньше всех. В бомбежку... Туман, хоть ты жив.

Женщина протянула к нему руку, высвободив ее из обмотков. Туман лизнул бледную ладонь.

– Хочешь со мной остаться?

– Он – мой! – Матрена выпрямилась, готовясь драться за свой мир. Она никому ничего не хотела уступать, ни пяди своей внутренней, только что осознанной земли. – Туман, Туман!

Туман подошел и сел у ног новой хозяйки.

– Ну ладно... – Соседка бросила безразличный взгляд на ребенка и, не попрощавшись, пошла назад. И непонятно было, откуда вышла и куда скрылась.

Матрена спустила Сашку на снег и выпрямилась: тяжелый становится. Пес пошел рядом с малышом.

– Па-па, па-па, па... – Ребенок споткнулся и полетел лицом в сугроб, но не заплакал, а засмеялся, словно бы знал, что это его родной двор, и эта обоженная земля – тоже его, и музыка. Музыка, в которой всегда будет звучать скрипка его отца!

Глава 7

Серая колонна

Вторая зима была не такая холодная, как первая блокадная зима. Стояла теплая осень, и ленинградцы в ясном осеннем небе всю ночь наблюдали за бомбовозами, проклиная хорошую погоду. А потом начались проливные дожди, и бомбежки ослабли.

– Хорошо еще, что наводнения не было весной, – сама с собой говорила Матрена. – А то вон, всё супротив человека...

И было на что жаловаться. Когда в очередной раз Егор захватил с собой и кота, рыжий не узнал города. Дальше проехать было невозможно.

– Давай пешочком прогуляемся, посмотрим, что почем, – предложил Егор.

Они молча шли по незнакомому городу, еле угадывая улицы.

– Внимание! Серая колонна! – вещал черный рупор.

– Поберегись! – звучало отовсюду, и люди вдоль Невы рассыпались по подворотням.

Туман с Нестором не верили своим глазам. Еще бы: маршем, выстроившись в длинную серую колонну, к Неве на водопой шли... крысы!

Нестор дернулся по инерции, но ловкая лапа Тумана его опередила.

– Куда ты? Люди разбежались – не видишь?

– Съедят? – с сомнением спросил Нестор.

– И не подавятся.

– Меня съедят? – уточнил кот.

Туман промолчал. Зрелище было жуткое.

– Ты посмотри, Матрена, – сказал задумчиво Егор, – словно фрицы в серых шинелях.

Матрена тихо запричитала, уткнувшись в затылок сына.

– Господи, что с нами будет? Что будет?

– Это хорошо, что молиться начала. Молись, Матрена, молись. Без этого сейчас никак.

Они постояли немного, потом свернули к дому. Матрена повесила свои записки, до Нового года оставалось совсем немного, и вид разукрашенной в разноцветные послания елки даже создавал настроение.

Потом Туман побежал к своему двору. Нестор не поспевал. Туман останавливался и ждал. Он понимал, как опасно оставлять кота одного. Недавно его поймали голодные горожане прямо у дома Матрены. И непонятно, то ли охранник им нужен от крыс, то ли на обед. Хорошо Матрена была рядом. Еле отняла. После этого что-то с котом произошло. Он стал бояться людей. Всех.

– А где наш дом? – остановился кот.

– Так я ж рассказывал...

– А соседние?

– И соседние. Только вон там, рядом, полдома еще стоит.

Они подошли поближе. Туман задрал нос, что-то унюхал, глянул на кота: «Я быстро!» – и побежал куда-то в развалины. Нестор напрягся, одному страшно здесь...

Вдруг из подвального окна на белый свежий снег выпрыгнул совершенно черный кот. Нестор ошетинился. Фу ты, так это Тиран! Его некогда пятнистый окрас стал ровным, саженным. Только драное ухо и подбитый с прищуром глаз давали понять, что это, гарью пахнущее существо, все тот же отважный пират – гроза дворов и подворотен. Нестор выгнул спину и зашипел. Это был не тот профессорский холеный сибарит, который боялся сквозняков, – он прошел войну и жил среди настоящих защитников города. Это по его команде в небо поднимали свои смертоносные хоботы советские зенитки. «Русские не сдаются!» – каждый раз кричал в грозное небо командир Иванов и он, Нестор, как никто, это знал.

Тиран с удивлением посмотрел на чистого и упитанного рыжего.

– Ты? – прошипел он и грозно приблизился.

Нестор выстоял, не дрогнув.

– Мясо! – сделал еще один шаг Тиран и приготовился к прыжку.

– Перестань! – Спокойствие Нестора подействовало на Тирана гипнотически: он замер и уставился на врага.

Тут на всех парах подлетел Туман: «Я! Я!» Чтобы затормозить, он уперся в лед всеми лапами, но лихо проехал мимо, скалясь и страшно клацая зубами. А когда наконец выбрался из сугроба, удивленно присел рядом и наклонил набок голову.

– Что мы – крысы, что ли, чтобы грызть друг друга ни за что ни про что? – продолжал Нестор. – Туго тебе?

Тиран кивнул.

Они замолчали – каждый о своем.

Да, война – это страшно... Почему человек, ЧЕЛОВЕК, стал как зверь? Что с ним сделала война?! Как человек позволил ей?... Почему люди рвут друг друга с воздуха, на земле, в воде? Снаряды и бомбы летят отовсюду. Люди убивают без сожаления: кто больше! Да что друг друга, вон на него, общего любимца человечества, Нестора, – и то стали охотиться.

Хотя нет, не все... Нестор вспомнил свою семью, Ивановых, щербатого водителя, который не бросил их с Туманом умирать на замерзшей трассе...

Нестор икнул:

– Наших в городе много?

– Да всех съели.

– Крысы разбушевались – знаешь?

– Ха! Едва ноги унес, – хрипло мявкнул Тиран.

– Плохо...

– А-а-а-а, ты думал, я сдохну?! – Тиран попытался встать в стойку, но Нестор посмотрел на него с каким-то новым и странным выражением, и это опять остановило старого разбойника. И запах... От рыжего пахло порохом!

– Надо собирать всех, кто остался. Должен был кто-то остаться. – Нестор оглянулся на Тумана: – Пасть закрой – свои. А ты своих найдешь?

– Попробовать надо. – Туман задумался: а кто у него свои? У него всегда своим был человек. Вот с ним и посоветоваться нужно...

Глава 8

Красавица, обезьяны и слониха Бетти

В первые дни блокады от обстрела погибла слониха Бетти, и это сразу стало всеобщей горькой новостью. Тогда пытались вывезти животных, но кольцо сомкнулось, и основная масса друзей человечества и отрада детства так и остались в городе. Вот и сейчас дети готовились к праздничному посещению зоопарка, а зоопарк пришел к ним. По городу бегали беззащитные, перепуганные обезьяны.

И что самое удивительное, голодные горожане ловили этих животных и отдавали обратно в зоопарк.

– Подумать невозможно, – повторяла в сотый раз Матрена, вспоминая прошлогоднюю историю, – соседи рассказали, что тогда всех обезьян поймали и отдали обратно в зоопарк!

– Ну и что, – безразлично отвечала соседка Клава. К ней вчера пришла похоронка.

– Как «ну и что»? Клаша, говорят, французы от голода съели весь зоопарк – а мы все вернули...

– Ну и что...

– А про Красавицу слышала? Так она с девятьсот одиннадцатого года в нашем зоопарке. Две революции пережила.

– Это бегемотиха, что ли? – Клава сдвинула густые казачьи брови и тихо завывала. – Мы с Гришей к ней ходили-и-и-и...

– Перестань, слышь, ну всё! – Матрена вытащила из кармана тулупа замызганную тряпицу, которой подтирала Сашке рот, и провела по глазам соседке. – Тебе еще мальчишек подымать. Вот кончится война, и все вместе пойдем в зоопарк...

– А-а-а-а. – На одной ноте вела свой разговор Клавдия.

– Знаешь, Клаш, а ведь Красавицу не вывезли. Слышишь, не успели эвакуировать.

– И что?

– А то. Говорят, с ней тетя Дуня, зоотехник, живет в вольере. Фамилия какая-то: Саша... Маша... Дашина! Представляешь? Она с Невы носит ей сорок ведер воды. Каждый день!

– Сорок ведер? – Глаза Клавдии просохли. – Да ну? И зимой?

– Да вот!

– А зачем?

– Красавица погибнет: говорят, кожа пересохнет и растрескается до крови. Да корма готовит килограмм пятьдесят каждый день.

– Да ну?

– Да то! Это она для бегемота так старается. А мы что с тобой, для детей наших не сможем?

– А-а-а-а! У нее же никто не погиб, Мотя-я-я-я!

– У кого сейчас никто не погиб, Клаш, покажи мне его?

– Да-а-а-а!

– Да хватит уже. Слышь, мне билеты на елку дали. Пойдем. И в театр с тобой пойдем. И в зоопарк, когда откроют.

– А откроют?

– А как же. Скоро. Вот увидишь!

Глава 9

Мяукающая дивизия

И вот дожили до весны. Нестор и Тиран с трудом нашли во всем городе двух котов и одну восхитительную кошку. Звали ее Василиса. Бои за Василису чуть не деморализовали всю кошачью группировку. А Василиса... Ох уж эта Василиса!

Банда зачистки работала тихо. По одному подъезду. Выходить на большую битву было нереально: их сожрали бы, не оставив коготка и кисточки от хвоста. В одном из сражений Нестор забрел в совсем убогое жилье: детки, двое – мальчик пяти лет и девочка восьми, – с ними была почти слепая старушка.

Думал кот недолго. Это было недалеко от родного очага – на бывшей Гороховой, как по старинке именовал ее профессор. Туман все понял и отпустил. Так даже было ближе к Тирану. И самое главное, Василиса жила там же, в подвале соседнего дома! А рыжий, ухоженный (по военным меркам очень даже!) кот, с пушистым хвостом (ой, то есть с половинкой) и командирскими замашками, которые он перенял у Иванова, сделали его вне конкуренции трем облезлым женихам. Тиран поскрежетал, поскрежетал зубами, пожаловался Туману – и принял. С трудом, но принял. И уgomонил остальных.

Когда рыжий красавец появился в подвале, бабушка Акулина Григорьевна как раз рассказывала деткам сказку про королевича Елисея с пышными золотыми кудрями и зелеными глазами. И тут на авансцену вышел Нестор.

– Елисей! – закричала малышка. И Нестор понял, что заставило его уйти с сытого жилья Матрены. Девочка так была похожа на его Дашку...

Так его и прозвали в этом благословенном и забытом людьми подвале. Бабка совсем не выходила, а «крючки», как звали блокадных детей, ходили сами за водой и хлебом, прячась от людей, чтобы не попасть в приют и не расстаться с бабушкой.

Они бродили по разрушенным домам, собирали вещи и меняли их на отруби и дуранду. Акулина Григорьевна делала из отрубей кашу «Повалиху», от которой всегда хотелось спать. Каша могла быть настоящей радостью, если в нее бабушка добавляла мутную водицу из «земляного» сахара. Но это бывало не часто. Землица, пропитанная сахаром, и впрямь была золотая: за пакет такой земли из-под Бадаевских складов, сожженных немцами еще в начале Блокады, бабушка отдала золотую ложечку, которую долго хранила и все надеялась передать внукам. Смешное слово «дуранда» означало спрессованный жмых семечек подсолнуха после отжима из них масла. Дуранду кусочками клали в рот и рассасывали. Был в ходу также шрот – измельченные семена растений, – которым раньше кормили домашних животных. А еще ели хряпу – верхние зеленые листья капусты, которые были спасительным источником витаминов. Перед Исаакиевским собором разрешили разбить огороды, и люди выращивали капусту. Капуста, конечно, сразу не вырастала, но первым листочкам – «хряпам» – все очень радовались.

Так и жили. Бабуля еще пыталась шутить:

– Ну что, мои крючки, кушать будем? Щи безвырезовские? Или клейку?

Настенька помогала накрывать на стол, а бабушка во время обеда, чтобы ели медленней, рассказывала им сказки.

– Ну что, Дистрофия Шротовна, – обращалась она к внучке, на ощупь размазывая кашу по тарелке, чтобы казалось больше, – опять у нас постный день!

– Хоть бы на мяско посмотреть... – хныкал Митяй. Про мясо он только слышал, но, как оно выглядит, не помнил.

– Ну, Мить, это все живое! Что ходит, то и мясо!

– Елисей наш – мясо?

Нестор попятился к стенке. Приехали!

На Новый год он принес детям конфету – стащил у Матрены. Она шила рукавицы из заячьих шкурок и меняла их на продукты, а перед праздником выменяла на маленький кулечек конфет. Одну Нестор и умыкнул для «своих» детей. А ночами оберегал, чтобы крысы деток не трогали. Но серые твари и сами не заходили, как почувствовали кошачий дух.

В общем, Нестор старался как мог, и вдруг: «Съедем!» Кого? Его?

И тут рыжего осенило: крысы. Конечно же, крысы! Не они нас, а мы их! Охотник я или не охотник? Боец Красной армии или нет?

С того момента в доме ежедневно было мясо. Бабушка тщательно его промывала и долго-долго отваривала. Хотя оно все равно воняло мышами, но дети стали есть бульон и мясную еду. Это не то чтобы клей варить или обои есть... Свеженина.

Ночами наступало самое счастливое время. Нестор-Елисей, ложился вместе с бабушкой и внуками под гору тряпок и одеял между Митькой и Настеной. Так и грелись все вместе. Бабушка тихо рассказывала свои бесконечные сказки про королевича Елисея, говорящий ветер, солнце и луну, про Василису Прекрасную и Царевну-лягушку, про Ивана-царевича и серого волка. Дети тихо засыпали, а Нестор чувствовал себя нужным. На своем месте. А утром он приносил из подвала бабушке то, что они потом ели вместе с детьми.

Но однажды... Однажды рыжий сам попал в мышеловку: крысы поймали его на обычном предрассветном маршруте, загнав в тупик между канализационными трубами. Их было так много, что кот приготовился дать свой последний бой. Он прижался к трубе и, выгнув спину, страшно зашипел. В темноте крысы молча сжимали кольцо. Наконец одна, самая крупная, бросилась вперед. От сильного удара лапой она с визгом отлетела в сторону, но остальные, рази-

нув зубастые пасти, тут же ринулись в бой. Нестор превратился в сушеного тигра. Он бросался из стороны в сторону, оставляя вокруг окровавленные тела. А крыс становилось все больше. Они жаждали расправиться с заклятым врагом и не собирались упускать его из своих цепких лап. Вот уже несколько серых тварей повисли на коте. Еще, еще, еще. Они душили, топтали, рвали его на части. И, чувствуя, что погибает, рыжий завопил, но его голос утонул в глуши подвальной сырости. И уже угасающим сознанием Нестор уловил, как эхо, знакомый рык старого разбойника Тирана, и на крысиную стаю сзади обрушился грозно орущий когтистый ураган. Это было так неожиданно и страшно, что стая горохом рассыпалась по подвалу и мгновенно исчезла, оставив груды неподвижных тел. С тех пор на охоту коты ходили только вместе.

А тут оказалось, что в зоопарке родился детеныш обезьяны гамадрила. И ленинградские женщины в роддоме, все вместе, сцеживали понемногу свое молоко и выкормили обезьянку! Роженицы своим молоком – обезьянку! В голодном и холодном городе, где и людям не было места.

– Нет, мы – неубиваемый народ, – подняв обрубок хвоста, вещал Нестор с высокого парапета. За его спиной, укрытые мешками с песком, стояли и слушали рыжего ленинградского кота стражи вечности – сфинксы. Их сила передавалась ему, и сегодня он чувствовал себя потомком этих царственных животных.

Глава 10

Человеческое – это как?

Пришло лето. Нестор перешел на птиц. Ловил их легко, радостно. С одной стороны, с птицами было приятно иметь дело – все же не крысы. И есть их было вкусней, хоть и меньше еды получалось. Что там есть – перья да кости. А с другой стороны, жалко было птиц. Вон, люди спасали гамадрилу, а он тут синичек да воробьев ловит...

Нестор спрыгнул в подвал, – ух ты, а на улице теплее. «Надо бы наверх перебираться, – подумал он. – Столько пустых квартир стоит – что им этот подвал?»

И тут он обратил внимание на странную тишину. Настя стояла перед бабушкой навзничь.

– И что ты думаешь? – хрипела раздосадованная старуха.

– Я думала, что ты обрадуешься, – лепетала внучка.

– Чему?

– Это ведь карточки на хлеб.

– Чьи?

– Я не знаю. Я нашла....

– А ты понимаешь, что ты жизнь человеческую нашла. И не одну! – гремела старуха помолодевшим вдруг голосом.

– Почему?

– Потому что мы будем жировать, а они с голоду умрут.

Настя стояла и теребила свое поношенное платьице. Бледные ножки из-под него выглядывали спичечками. Была бы зрячей старуха, не посмела бы ругать такого дистрофика.

– Иди сейчас же и...

– Отдать продавщице? – Настя сделала движение, которое бабушка уловила.

– Стоять! Никакой продавщице! И ни у кого не спрашивай. Сама увидишь того, кто потерял... Ясно?

Девочка шмыгнула носом и кивнула.

– Теперь иди. И не плачь. Хорошо, что к тебе попало. – Бабка протянула сухенькую руку. – Ты прости меня, что я накричала. Самое трудное, знаешь что?

– Выжить? – с надеждой посмотрела Настя на бабушку.

– Нет, дорогая. Остаться человеком. Иди!

Настя повернулась и быстро поднялась по ступеням. Нестор из любопытства пошел следом. Он, конечно, себе объяснил это иначе: я на подстраховке! Я рядом. Мало ли чего...

Но ему было очень интересно, как это «остаться человеком»? И каким человеком? Тем, который с воздуха в них стреляет и бомбит дома с детьми? Или тем, который заворачивает под бомбежкой памятники? Весь Летний сад спрятали, его сфинксов запеленали в мешки, вокзалы и дворцы маскировочными сетками упаковали, как будто бы все это руины. По черной тарелке все время говорят: «Живы памятники – жив город!» И гамадрилу спасали...

Вот эти люди – люди? А те, которые кошек ловили и съедали, – тоже люди? А детей воровали и тоже... – люди? Ох, как сложно. А что на это сказал бы его профессор? Наверное, надел бы пенсне и произнес гнусавым голосом, поджав губы: «У Платона и Аристотеля по этому поводу нет общего мнения. Да-с... terra incognita».

Так рассуждал Нестор-Елисей, не теряя из виду девочку. Открыто ходить он уже не боялся. Больше голода горожане боялись крыс и с кошками раскланивались при встрече, только что шляпы не снимали.

И вот Настена дошла до пункта выдачи хлеба.

– Настенька, – кто-то ее окликнул. – А что ты сюда снова пришла? Забыла что?

– Да нет... Я так...

Она вглядывалась в толпу, ничего странного не замечала: люди как люди...

И вдруг через час, когда она уже разомлела на солнцепеке, появилась заплаканная старушка. Она низко наклонялась к земле и подслеповатыми глазами что-то пыталась высмотреть на редкой травке.

– Бабушка! – Настя подошла к старой женщине совсем близко, чтобы никто не слышал. – А что вы ищете?

– Жизнь, доченька, жизнь...

– Жизнь? Свою? Тут?

– Внучат своих. Трое их у меня. Один совсем плохонький... без карточек не откормлю... – И снова заплакала: молча, только слезы текли по морщинам, как по руслам рек.

– Вы что-то потеряли? – догадалась девочка и произнесла это чуть громче.

Бабушка беззвучно замотала головой.

– Это? – Настя вытащила из кармана карточки. – Это?

– Милая моя! Спасительница! – Не сдерживаясь заголосила бабка. – Христос с тобою...

И рухнула перед девочкой на колени.

– Спасительница!

Настя смутилась, а очередь, как многоглазый прожектор, осветила ее с ног до головы, и какой это был разный свет! Девочка подняла бабушку с колен и бросилась бежать домой. Нестор едва успевал за ней. А Настя бежала и плакала. О чем она плакала? Неужели так больно остаться человеком? Нет, пожалуй, кошкой проще...

Глава 11

Память

Казалось, что это не наступит никогда. Но это пришло. Победа! Нет, еще не окончательная Победа, но их – Победа: в январе 1943 года советские войска прорвали блокаду. Люди выходили на улицу и плакали, обнимались, поддерживая друг друга. Еще во время блокады начали ходить трамваи, а сейчас, словно бы это не зима, а жаркое лето настало, людям было тепло от радости и созидательных дел. Нестор все чаще стал приходить к своему дому. Он все ждал и ждал своего профессора с Дашкой. А их все не было и не было. Где же их искать? Думай, думай, ты же профессорский кот в конце концов. Может подключить банду и Тумана?

Но даже тщательные розыски всей огромной кошачьей банды не привели ни к чему. А весной Василиса принесла трех рыжих котят и одного серого в полосочку, как сама. Его котят! Как же он ликовал. Теперь он был не только кот войны. Он был продолжателем династии ленинградских котов. Питерских котов, сказал бы его профессор. Нестор вздохнул. Да, у него появилась новая семья, и если в той, довоенной, он был любимой игрушкой, которую баловали и кормили, то теперь, в это суровое время, он сам стал кормильцем и взял ответственность за свою новую, немощную семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.